

УДК 94(470)

**ИТОГИ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ
НА ТЕРРИТОРИИ ЮГО-ВОСТОКА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ
(КОНЕЦ XVI - НАЧАЛО XX в.)**

© 2017 П.С. Кабытов^{1,2}, Э.Л. Дубман¹, О.Б. Леонтьева^{1,2}¹ Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва² Поволжский филиал Института российской истории РАН, г. Самара

Статья поступила в редакцию 16.10.2017

В статье подведены итоги изучения этнодемографических процессов, протекавших на территории лесостепных и степных районов Среднего Поволжья и Заволжья – своеобразного ядра Юго-Востока Европейской России. Выявлены особенности складывания этнически и конфессионально неоднородного населения, специфика взаимоотношений как между представителями различных групп этносов, так и между формирующимся населением края и коронной администрацией.

Ключевые слова: Юго-Восток Европейской России, Среднее Поволжье и Заволжье, фронтир, этнодемографические процессы, историко-культурная область.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-31-14003.

В настоящей статье ставится цель подвести итоги изучения процесса заселения территории Среднего Поволжья и Заволжья в течение длительного периода – с момента присоединения Поволжья к Российскому государству до начала XX века. Одной из первых работ, которые положили начало рассмотрению поставленной проблемы, стала статья Э.Л. Дубмана и П.С. Кабытова, опубликованная в 1993 г.¹ Затем данная тема разрабатывалась коллективом кафедры Российской истории Самарского университета в рамках Федеральной целевой программы Министерства образования и науки Российской Федерации (грант «Обретение родины» – Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI - начало XX вв.)). Цикл работ, посвященных этой проблематике², вызвал значительный интерес научного сообщества³ и получил дальнейшее теоретическое развитие⁴.

Кабытов Петр Серафимович, доктор исторических наук, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой Российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала ИРИ РАН. E-mail: don.kabytov2012@yandex.ru
Дубман Эдуард Лейбович, доктор исторических наук, профессор кафедры Российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва. E-mail: dubmane@mail.ru
Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Поволжского филиала ИРИ РАН, профессор кафедры Российской истории Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва. E-mail: oleontieva@yandex.ru

Обратимся к основным выводам, которые были сформулированы самарскими историками. Изучение заселения региона и анализ его этнодемографической ситуации требует мыслить в категориях «времени большой длительности». В ходе колонизационных процессов, массового переселения на протяжении нескольких столетий формировался региональный социум с его специфическими особенностями, уникальным этноконфессиональным и социокультурным обликом населения. Именно это определило характер и особенности развития этого края в составе Российского государства.

Для российского общества и государства вторая половина XVI - начало XVIII в. явилась одним из самых противоречивых и сложных исторических периодов. Никогда ранее в истории страны не наблюдалось столь значительного расширения ее территории за счет полупустынных земель и столь мощных миграционных потоков, направленных на их освоение. Одним из таких уникальных регионов стал европейский Юго-Восток. В состав Московского государства входили новые пространства со своим автохтонным, различным в этническом и конфессиональном отношении населением: оседлыми народами, населявшими бывшее Казанское ханство; полукочевыми жителями Башкирии, кочевниками. Все это порождало неравномерность в развитии отдельных территорий и придавало особо противоречивый характер происходившим там процессам.

После присоединения Среднего и Нижнего Поволжья русская военно-административная

и хозяйственная колонизация охватила только давно освоенную и плотно заселенную территорию бывшего Казанского ханства. Все лесостепное пространство к югу и юго-востоку, оставаясь вне ареала постоянного оседлого расселения, являлось своеобразной буферной зоной, фронтиром, где соседствовали кочевые и полукочевые сообщества (до первых десятилетий XVII в. – ногаи, затем заменившие их калмыки, а также башкиры); представители автохтонных народов Среднего Поволжья (мордвы, чувашей, татар), осваивавшие эти территории эпизодически, «наездом»; станицы казачьей вольницы; ватаги русских рыболовов, эксплуатировавших богатейшие речные ресурсы. В документах эпохи Московского царства новые территории называли «Подем»⁵.

Первым постоянным населением региона становятся служилые люди пограничных городов-крепостей по Волге – Самары (1586 г.) и Саратова (1590 г.). Только после завершения Смуты в них складываются посадские общины. Длительное время волжские города развивались автономно, вне ареала сельского расселения. Помимо выполнения своей основной военной функции они являлись транзитными и торговыми пунктами на волжском судовом пути и караванных дорогах из Средней Азии, промысловыми центрами в зоне рыболовецкого предпринимательства.

Во второй четверти XVII в. в Южном Средневожье появились первые локальные районы сельского расселения: дворцовые и монастырские вотчины, оброчные промыслы привилегированного купечества. Однако массовая колонизация новых земель началась лишь в середине XVII в. Она стала следствием строительства системы засечных черт, охватившего весь Юг и Юго-Восток Европейской России, и расселения вдоль них гарнизонов служилых людей. В Среднем Поволжье они протянулись от западных границ региона до Волги и далее до Камы. Военно-государственные мероприятия этого времени защитили пространство юго-восточной лесостепи от нападений кочевников и создали условия для формирования постоянного сельского и городского населения. Тем не менее на протяжении второй половины XVII в. регион оставался опасным пограничьем, фронтиром, защищаемым прежде всего местным военизированным населением. Последующее расширение ареала сельского расселения на юг становилось возможным только при активном участии государства, после строительства новых систем укреплений.

Особенностью массового колонизационного движения на новые земли являлась этноконфессиональная неоднородность, свойственная всем служилым и тяглым группам переселенцев. Это

разнообразие предполагало сложную систему взаимоотношений между разными категориями новоселов, взаимодействий с коронной администрацией и православной церковью.

В конце 1640-х – начале 1660-х гг. основными акторами расселения в регионе являлись ратные люди по прибору, мобилизованные для службы на засечных линиях. Их набирали из самых разных социальных групп – стрельцов и городских казаков, дворцовых крестьян, автохтонных жителей Казанского края. Массовое испомещение служилых людей и их семей под защитой укрепленных линий позволило заселить широкую лесостепную полосу и создать ряд уездов – Симбирский, Саранский и другие. Важную роль в освоении новых территорий сыграло коренное служилое и ясачное население Среднего Поволжья. По численности ясачное крестьянство лишь незначительно уступало крепостным помещичьих владений. Их переселение в большинстве случаев происходило самовольно.

Интенсивное испомещение дворянства в Предволжье началось с возведением засечных линий в середине XVII в. К началу 1670-х гг. свободных земель под их защитой уже не хватало, и помещичье землевладение распространяется к югу от «вала». Новым актором расселения в крае становятся солдаты. При заселении и обеспечении безопасности прилегающих к Волге земель Западного Закамья правительство пыталось опереться на служилых татар и иноземцев. Крупную группу нового для региона населения составила переведенная на Закамскую линию смоленская и полоцкая шляхта.

В 1680-е гг., в связи с основанием Сызрани и так и нереализованным проектом возведения Сызранской линии, в Волго-Сурском междуречье возникает район расселения служилых татар, мордвы и чувашей, получивших земли в обмен на службу. Прикрыть от нападений пространство между Сызранью и Пензой силами только русских казаков и солдат было невозможно.

Таким образом, вплоть до последних десятилетий XVII в. основными акторами колонизации региона являлись русские ратные люди, служилые автохтоны Казанского края, ясачные и русские крестьяне. Важнейшую роль в складывании сети расселения, состава и численности жителей сыграли государственная и вольная колонизация. Велика роль в освоении края мероприятий государства, «насытивших» его военизированным населением и обезопасивших от нападений кочевников. Южное Средневожье в этом отношении было сходно с другими регионами южного пограничья, но отличалось сложным этноконфессиональным составом населения.

Среди различных этноконфессиональных и социальных групп переселенцев, участвовавших в заселении региона, практически невозможно выделить коренное население, имевшее особые права на его территорию и природные ресурсы. Все акторы колонизационного процесса расселялись на новых для них «порозжих» землях. Государство выступало регулятором внутренних конфликтов, гарантом стабильности этноконфессиональных и социальных отношений.

Более безопасная обстановка на юго-восточных рубежах страны в конце XVII в. способствовала продвижению к югу ареала постоянного расселения. В 1680-1690-х гг. правительство отказалось от законодательства, защищавшего на Юге и Юго-Востоке землевладение местных служилых людей. Это привело к резкому росту крупного монастырского, а затем и светского землевладения⁶. Одновременно расширилась сеть сельских поселений, выросла численность жителей в ставших «глубинными» районах региона.

К рубежу XVII-XVIII вв. на территории Южного Средневожья складывается устойчивая сеть сельского и городского расселения. Интенсивные колонизационные процессы и миграционные потоки смещаются к его южным границам. В основном это коснулось Правобережья на пространстве между Сызранью – Пензой и более южными районами. На Левобережье, в Западном Закамье освоение новых территорий шло медленнее. Но и там начинают заселяться земли к югу от укреплений Закамской черты.

Во второй трети XVIII в. было положено начало процессу массового заселения и освоения волжского Левобережья – территорий, остававшихся до того времени «Подем». Основным населением Заволжья были калмыки и башкиры. Заволжье использовалось ими только под летние пастбища и охотничьи угодья. Их подданство России было непрочным, мало препятствовало набегам на районы оседлого расселения, не раз ставилось под сомнение восстаниями и военными конфликтами.

Оседлые жители пришли в этот край, исключая редкие поселения по самому берегу великой реки, не только позже, чем на волжское правобережье, но даже позднее, чем на территории, окружающие Заволжье с севера и востока: Закамье, Башкирию и Приуралье. Начало массовому заселению края оседлыми жителями положило возведение в 1730-х гг. Новой Закамской⁷ и Самарской⁸ пограничных линий. Меры по укреплению безопасности Заволжья привели к притоку новых переселенцев различного этнического и социального состава. Переселенцы, оседавшие на самой пограничной линии, как правило, были беглыми, с чем правительство было вынуждено смириться.

Одной из мер охраны и освоения Заволжья стало расселение здесь групп из кочевых народов, считавшихся лояльными Российскому государству. Крупнейшей акцией в русле этой политики стало строительство города Ставрополь специально для крещеных калмыков. Чересполосное расселение калмыков и государственных крестьян задумывалось как средство постепенного приобщения кочевников к земледелю и оседлости.

Создание Оренбургской губернии (1744 г.) ускорило процесс заселения и хозяйственного освоения края. Заволжские земли, находившиеся в ее составе, были ближним тылом юго-восточного российского пограничья, служили поставщиками людей, хлеба, других ресурсов и, в свою очередь, пользовались защитой оренбургских укрепленных линий.

Своеобразным был начальный этап освоения заволжских территорий, лежавших восточнее Ставропольского уезда, где в 1740-е гг. для проезда из Казанского уезда к Оренбургу учредили Новую Московскую дорогу. В ее заселении вплоть до начала 1750-х гг. главную роль играли мероприятия властей: в частности, сюда высылали всех «не помнящих родства», обнаруженных во время ревизии в различных частях России.

Успехи в заселении края были связаны в основном с вольной народной колонизацией. В первоначальном заселении Заволжья преобладающую роль играли «сходцы», в большинстве своем просто беглые люди. Большую часть сельского населения в середине XVIII в. составляли ясачные (государственные) крестьяне разных национальностей: чуваша, мордва, татары. Среди различных народов быстрее всего росла за счет переходов численность русского крестьянства края. Вслед за русскими по числу переселенцев стояли чуваша.

Среди еще немногочисленных крестьян Заволжья в тот период преобладали чуваша; за ними шли мордва и русские; менее заметную, хотя и весьма значимую роль в заселении края играли татары. В сословном составе очевидно преобладание государственных крестьян, заметную группу составляли дворцовые, присутствовали в крае также монастырские и частновладельческие крестьяне. В числе казаков были представлены «русские» (под которыми тогда понимали православное население в совокупности), «иноверцы» (татары, ногайцы, калмыки, некрещеные чуваша), а также «черкасы», то есть украинцы.

В 70-х гг. XVIII в. соотношение крестьян разных национальностей в Заволжье стало меняться. Это произошло в связи с массовым переселением в Степное Заволжье русских крестьян из владений графов Орловых, Самариных и других помещиков⁹. На луговой стороне Волги от Ерус-

лана до Иргиза постоянное население выросло за счет немецких и прочих иностранных колонистов, солевозчиков (выходцев из Слободской Украины), русских дворцовых и экономических крестьян, а также старообрядцев.

Районы кочевий некрещеных калмыков сократились по сравнению с началом XVIII в. В 1771 г. из-за растущего вмешательства царских властей в их дела калмыцкая знать и духовенство приняли трагическое решение об откочевке на родину предков, в Джунгарию. Туда двинулись через уральские и киргизские степи почти все некрещеные калмыки, но дошли, выдержав изнурительный путь и уцелев от нападений других кочевников, лишь немногие из них¹⁰. Исход калмыков имел дальние и серьезные последствия. С одной стороны, с их уходом открылась дорога набегам казахов на русские селения и немецкие колонии волжского левобережья. С другой стороны, этот исход стимулировал более быстрое освоение заволжской степи оседлыми жителями. Малочисленное по сравнению с калмыками башкирское и казахское население просто не могло занять освободившиеся пастбища, которые все активнее стали обращаться в крестьянские пашни и сенокосы.

В целом пограничные рубежи, установленные в Заволжье, открыли возможности для мирного хозяйственного освоения обширных земель. Однако новая этнодемографическая ситуация на юге Заволжья получила развитие уже после подавления в 1775 г. пугачевского восстания. Процесс заселения активно продолжался в рамках новых административных единиц, образованных здесь в результате губернской реформы Екатерины II. В ходе этой реформы Заволжье было поделено между Симбирской, Оренбургской и Саратовской губерниями.

В течение последней четверти XVIII и начала XIX в. заселение Заволжья интенсивно продолжалось. Так, в северной его части численность населения увеличилась за 1780-1810-е гг. почти в 2,7 раза; основной прирост жителей приходился на северо-восток края, находившийся в составе Оренбургской губернии. Сохранялась неравномерность заселения территории Заволжья: плотность населения снижалась по мере удаления от регионов более раннего заселения с севера на юг и с запада на восток.

Серьезные сдвиги в численности и составе населения, в уровне хозяйственного и культурного развития Заволжья происходили как в связи с правительственными мероприятиями, так и независимо от них, а иногда и вопреки предписаниям сверху.

Энергичные меры государства по организации надежной обороны от кочевников, упрочению местных органов власти, подавлению

больших мятежей и локальных волнений, настойчивая борьба с побегами и разбоями делали окраинные земли Юго-Востока России все более привлекательными для помещиков. Становится заметнее участие их в освоении края.

Сравнительно новым явлением в конце XVIII - начале XIX в. было широкое переселенческое движение из губерний Черноземного Центра в Заволжье (до того времени в потоке здешних новоселов почти безраздельно преобладали выходцы из уездов, лежавших по Волге и ее притокам). Такое изменение географии выходцев означало усиление роли русских в освоении заволжских пространств. К переселению могли толкать не только социально-экономические причины, но и стремление избежать религиозных гонений (в числе переселенцев были представлены старообрядцы, образовавшие раскольничий центр общероссийского масштаба в Николаевском уезде на р. Иргиз, а также молокане).

При преобладании стихийного начала, естественного для вольной крестьянской колонизации, правительство все же пыталось регулировать этот процесс. Так, в начале XIX в. были утверждены правила о переселении казенных крестьян из внутренних губерний на окраины. Наряду с казенными активно переселялись в Заволжье дворцовые крестьяне. Поток крестьянской колонизации направлялся все дальше на восток и юг, подготавливая условия для грядущего решительного земледельческого освоения Заволжья и Приуралья. Освоение края принимало небывалый до этого размах и проходило во все более разнообразных формах.

За время, прошедшее от Генерального межевания рубежа XVIII-XIX вв. до образования Самарской губернии в 1851 г., население Заволжья выросло почти в 4 раза. Такое увеличение обеспечивалось не столько естественным приростом, сколько постоянным притоком переселенцев. Особо активно заселялись степные южные (Саратовское Заволжье) и юго-восточные районы (Бузулукский уезд) края, малолюдные в XVIII в., но увеличившие к середине XIX в. численность жителей в 7 раз.

К началу XIX в. земледельческим населением были освоены в большей мере северные и северо-восточные уезды Самарской губернии – Самарский, Ставропольский, Бугульминский, Бугурусланский. В XIX веке аграрное освоение распространилось главным образом на южные и юго-восточные – Бузулукский, Николаевский и Новоузенский уезды, где еще существовало значительное количество незаселенных земель, зачастую принадлежавших кочевникам. Существенным препятствием для аграрного освоения заволжских степей являлись кочевья и набеги казахов (киргис-кайсаков), в народе чаще

называемых «киргизами». Несмотря на указанные обстоятельства, после усиления «кордонной линии» по рекам Еруслану, Торгуну и Большому Узеню русские селения стали появляться в самых южных пределах Самарского Заволжья. Увеличение численности населения здесь отмечается особенно в период между седьмой и восьмой ревизиями (1816-1834 гг.). Вследствие роста численности жителей в 1835 г. бывшие слободы Чертанла и Мечетная по правительственному указу были преобразованы в уездные города Саратовской губернии – Новоузенск и Николаевск.

Активное заселение вновь образованных уездов продолжалось в основном за счет государственных крестьян, переселявшихся туда самовольно или с разрешения правительства. Основным районом выхода переселенцев в южное Заволжье в первой половине XIX в. был черноземный центр России (Тамбовская, Воронежская, Курская и др. губернии), где все больше ощущалось малоземелье. Как правило, русских переселенцев в Самарское Заволжье в XIX в. относили к разряду государственных крестьян; лишь незначительное их количество попадало в крепостную зависимость. Некоторое увеличение русского населения за счет переселенцев в первой половине XIX в. происходило и в северных районах Самарского Заволжья, хотя и не такое значительное, как в южных¹¹.

Большую массу жителей края, как и прежде, составляли представители непривилегированных податных сословий. На городские сословия (почетных граждан, купцов, мещан, цеховых, иностранных подданных) в середине XIX в. приходилось 3,5% населения, на крестьян – 89,1%¹². Среди последних в Заволжье традиционно преобладали государственные крестьяне, которые вместе с иностранными колонистами и вольноотпущенниками составляли две трети здешних крестьян. Вторыми по численности среди сословных групп крестьян были удельные и лишь третьими – помещичьи, хотя дворяне продолжали весьма активно переводить своих крепостных на новые земли. Доля военно-служилых сословий и их роль в хозяйственном освоении края снижалась из-за постоянного притока переселенцев-крестьян. А в 1840-х гг. был осуществлен массовый вывод значительных групп населения, казаков и крещеных калмыков, за пределы Заволжья.

По конфессиональной принадлежности преобладающей группой населения региона в середине XIX в. были православные (83,92%), второе место по численности со значительным отрывом занимали мусульмане (10,00%); были также представлены католики, протестанты, иудеи и язычники¹³. Преимущественно в крае росло православное население, хотя его число следует считать завышенным за счет старообрядцев и

разного рода сект, а также за счет только формально крещеных язычников и мусульман.

В основных чертах этнический состав населения Самарского Заволжья определился в конце XVIII – первой половине XIX в.; тогда же сложились и районы компактного проживания различных этнических групп. Переселения в первой половине XIX века определили значительное преобладание в заволжском крае русского православного населения при сохранении многонационального характера и культурного разнообразия жителей. В середине XIX в. четко обозначились тенденции хозяйственного и культурного сближения различных этнических групп, шли процессы ассимиляции. Так, переходную группу между башкирским и татарским этносом представляли башкироязычные тептяри; в татаро-чувашской среде на территории Самарского и Ставропольского уездов происходила ассимиляция чувашей; ассимиляция заволжской мордвы шла в направлении сближения с русским населением¹⁴.

Во второй половине XIX – начале XX в. демографические процессы в поволжских губерниях протекали с различной скоростью. Рост населения в большинстве губерний Поволжья шел главным образом за счет естественного прироста (Казанская, Симбирская, Пензенская губернии, северные уезды Самарской и Саратовской губерний). Выделялись из общего ряда Самарская и Саратовская губернии, отличавшиеся самыми высокими показателями роста населения. Численность населения здесь возрастала как за счет естественного прироста населения, более многочисленного по сравнению с другими губерниями, так и за счет переселений.

Количественные и качественные изменения в составе населения происходили под влиянием становления капитализма в сельском хозяйстве, аграрной политики правительства, социальных конфликтов в деревне. Сохранение крепостнических пережитков, перенаселенность приводили к тому, что из Казанской, Симбирской и Пензенской губерний в конце XIX – начале XX в. увеличилось число переселенцев на окраины России и прежде всего в Сибирь, возросли масштабы отходничества. Напротив, в южных, степных районах Поволжья население росло за счет миграций: сюда шел колонизационный поток из центральных губерний России и Украины. Но и в этих некогда привольных землях стала ощущаться перенаселенность, а потому колонизационные потоки устремлялись дальше, на восточные окраины России и в Сибирь. В течение второй половины XIX и начале XX в. регион был своеобразным транзитным пунктом, через который шло массовое переселение крестьян.

Значительная часть переселенцев оседала в южных степных уездах Самарской и Саратов-

ской губерний, в районе торгового зернового земледелия. Переселенцы, покупая землю у Крестьянского поземельного банка, поселялись в лесостепных уездах с высокой плотностью населения. В результате там с наибольшей остротой сказывалось малоземелье, перенаселенность, наличие большого числа крепостнических пережитков. Все это не могло не вызывать конфликтных ситуаций между постоянным и пришлым населением. Вместе с тем приток в завожские степи переселенцев существенно ускорил освоение новых районов, что в конечном счете превратило Поволжье в крупнейший район по производству сельскохозяйственной продукции как для внутреннего, так и для внешнего рынков. Строительство железных дорог также способствовало увеличению численности и плотности населения.

Несмотря на высокий прирост населения, плотность его была различной в губерниях Поволжья. Эта неравномерность была связана как с климатическими, почвенными условиями, так и с особенностями колонизации региона. Основная часть сельского населения сосредоточивалась по берегам Волги и ее притоков – Камы, Свияги, Суры, Самары и др. Наиболее густо заселенными были лесостепные уезды Казанской, Симбирской, Пензенской губерний. Высокой была плотность населения в черноземных уездах, где находились помещичьи земли, на месте бывших укрепленных линий и засечных черт, строившихся в XVII-XVIII вв., а также в лесостепных уездах Самарской и Саратовской губерний, где колонизационный процесс в значительной степени завершился к началу XIX века. Иная картина наблюдается в степных завожских уездах, где процесс освоения новых земель продолжался в XIX - начале XX в.; поэтому здесь плотность населения Самарской губернии была ниже, чем средний показатель по региону¹⁵.

Городское население наиболее быстро росло в губернских центрах и в уездных городах – Сызрани, Царицыне, Вольске, которые в период промышленного подъема стали новыми центрами промышленного производства. Население городов увеличивалось в результате развития промышленности и торговли, в основном за счет притока крестьянства. В конце XIX в. крестьяне были первой по численности категорией городского населения в городах Симбирской губернии, а в городах Самарской и Саратовской губерний – второй по численности категорией после мещан¹⁶.

Как показывают материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года, определявшей национальную принадлежность на основе родного языка, Поволжье отличалось исключительным этническим многообразием. Русская колонизация региона

привела к тому, что к концу XIX века русские уже доминировали в Поволжье, составляя 59,9% его населения. Лишь в Казанской и Астраханской губерниях они не находились в абсолютном большинстве, уступая общей численности представителей других народов. Из коренных народов Поволжья самыми многочисленными являлись татары, несколько уступали им по численности чуваша и мордва. Также высоким был удельный вес украинцев и немцев.

Значительно отличался от общей картины национальный состав жителей городов Поволжья. Представительство коренных народов региона (чувашей, калмыков, марийцев, удмуртов) в городах было значительно ниже, чем их доля среди его населения в целом. Особенно разительным было отличие этнической структуры населения уездных городов Поволжья от общей национальной структуры региона в целом: в конце XIX века 90,8% населения этих городов приходилось на долю русских. Определенное исключение представляли татары, которые образовывали относительно многочисленную группу горожан Поволжья: в частности, обширные татарские районы существовали в Казани и Астрахани. Характерной особенностью губернских центров являлась довольно значительная прослойка лиц немецкого, еврейского и польского происхождения. Крупные губернские города, в отличие от мелких уездных центров, носивших преимущественно моноэтнический характер, являлись местом сосредоточения более пестрого в национальном отношении населения, центрами интенсивных межнациональных контактов. Все это свидетельствует о том, что экономическое развитие отдельных городов, расположенных в центре тех или иных этнических ареалов, не всегда автоматически вело к росту представителей коренной национальности в структуре их населения¹⁷.

В составе Поволжского региона территория Самарской губернии выделялась тем, что она и в пореформенный период продолжала оставаться зоной активного притока населения. Земские статистики, исследовавшие в 1880-е гг. состояние крестьянских хозяйств различных уездов губернии, отмечали, что процесс колонизации большинства уездов «не закончился еще и до настоящего момента»¹⁸. Согласно данным переписи населения 1897 г., численность уроженцев других губерний, проживавших в Самарской губернии, была выше, чем численность местных уроженцев, выехавших в иные регионы Российской империи; то есть наблюдался «прилив» населения в губернию¹⁹. Судя по географии регионов выхода, среди мигрантов преобладали русские и украинцы. Источники сообщают также о переселении в Самарскую губернию мордвы (из Казанской губернии и других «губерний

промышленного района»), немцев (переселенцев из соседней Саратовской губернии), эстонцев, евреев и латышей.

В этническом составе населения Самарской губернии к концу XIX в. большинство жителей составляли русские (вместе с украинцами); за ними шли татары (вместе с башкирами), немцы, мордва и чувашаи. Русское население проживало по всей губернии и являлось преобладающим во всех уездах, кроме Бугульминского (в численном сравнении с иными этническими группами в отдельности). Наибольшей численностью жителей отличались татарские и чувашские, за ними следовали мордовские и русские селения. Кроме того, если в начале века на территории Самарского Заволжья преобладали мононациональные селения, то в течение XIX в. возникают полиэтнические селения – к ранее существовавшим подсеялись иноэтничные переселенцы. Так, за XIX в. в Заволжье было основано немало смешанных русско-украинских, а также некоторое число украино-мордовских и русско-украино-мордовских селений.

Русские, проживавшие в Заволжье, были выходцами или потомками выходцев из различных регионов России, осевшими в заволжских степях в XVII-XIX вв. Адаптируясь к местным условиям жизни, переселенцы долгое время сохраняли свои особенности говора, быта, культуры. Так, среди русских жителей Самарской губернии еще в конце XIX в., по районам их выхода, отмечались «пензяки, туляки, москвичи, питерцы, тамбовцы, нижегородцы, куряки, воронежцы», что отражалось в названиях селений или их улиц (концов). Со временем в результате консолидации различных этнотерриториальных групп, а также их хозяйственно-бытовых контактов с другими народами региона русские приобретают своеобразные черты культуры. Это позволяет сегодня говорить о «средневолжских» русских, объединяя под этим термином жителей Ульяновской, Самарской и Саратовской областей.

В той же мере мы вправе говорить о формировании поволжско-приуральского татарского этноса; в этом сложном процессе существенную роль играли этнокультурные контакты переселившихся татар с местным и пришлым в степное Заволжье населением. Расселение татар в иноэтничной среде способствовало консолидации и тесному взаимодействию культур субэтнических групп (казанских татар и мишарей) в контакте с другими этническими группами – русскими, чувашами, мордвой, башкирами. Своими особенностями в Заволжье отличалась такая этноконфессиональная группа, как кряшены – крещеные татары, исповедовавшие православное христианство и проживавшие в русско-чувашском пограничье.

Этнокультурные контакты в пределах смешанных селений вели к сближению проживавших в них различных групп населения. Так, мордва в указанный период селилась дисперсно с иноэтничными жителями в смешанных селениях – обычно совместно с русскими; нередко это вело к ее «обрусению», отмечавшемуся этнографами второй половины XIX в. Ассимиляционные процессы были отмечены в Самарском Заволжье в XIX в. и в чувашской среде. Благодаря тесным контактам с татарами соседних и в пределах смешанных селений, а также вследствие проживания чувашей и татар на бывших башкирских землях и связанного с этим выделения особой социальной и этнической группы – тептярей, в исследуемом районе нередко происходило «отатаривание» чувашей.

В ходе расселения немцев в Поволжье (с конца XVIII в.) шла их внутренняя консолидация. Выходцы из разных земель (Восточной Пруссии, Силезии, из-под Данцига, из австрийской Галиции, из Царства Польского), приверженцы разных вероисповеданий (лютеране, католики, евангелисты, меннониты), здесь они объединялись в этнотерриториальную группу «поволжских» немцев.

Дифференциация населения Степного Заволжья по религиозному принципу определялась процессом заселения региона в XVIII-XIX вв. Исследуемый регион становится территорией активного аграрного освоения многими конфессиональными группами, как христианскими (православными, старообрядцами, молоканами, баптистами, а также протестантами и католиками), так и мусульманскими. В рамках православия в крае наличествовали многочисленные старообрядческие и духоворческие общины. Южные районы степного Самарского Заволжья оказались в ареале расселения различных неортодоксальных течений христианства, в частности, молокан и субботников. Слияние переселенческих потоков приводило к формированию смешанных в религиозном отношении селений (с отдельными кладбищами); совместное проживание в русских селениях представителей двух, трех и более конфессий характерно и сегодня для региона в целом, а особенно для южных районов Самарской губернии, пограничных с Саратовской. Самарская губерния в XIX – начале XX в. являлась одним из крупных мусульманских центров России; мусульманские общины составляли татары, башкиры, в меньшей степени – тептяри и «мещеряки». Протестантские конфессии появились в Самарском крае как следствие прибытия сюда немцев-колонистов.

Особым многообразием отличался конфессиональный состав жителей городов: как показывают результаты переписи 1897 г., среди жителей Самары первое место по численности

принадлежало православным и единоверцам, за ними следовали старообрядцы, затем – в порядке убывания абсолютной численности – мусульмане, иудеи, католики, лютеране и «лица прочих вероисповеданий». Иудаистскую общину в г. Самаре формировали евреи, которые стали здесь селиться во второй половине XIX в.: среди них были купцы, ремесленники, отставные солдаты и их семьи. Появление католицизма в Самарском крае традиционно связывается с прибытием сюда ссыльных участников польских восстаний 1830-1831, 1848, 1863-1864 гг.

Формирование смешанных в этническом и конфессиональном смысле селений способствовало росту ассимиляционных межэтнических процессов, а также диффузии культур различных групп населения. Этническая самоидентификация населения определялась как языковой, так и религиозной общностью с представителями своей этнической группы или конфессии. Тенденция развития религиозного сознания населения степного Заволжья свидетельствовала о таких сдвигах в этнической самоидентификации, при которых религиозный фактор становился определяющим²⁰.

Уникальное этническое и конфессиональное разнообразие населения юго-востока европейской России позволило этому региону с середины XVI в. играть роль своеобразной «творческой лаборатории» имперской политики: именно здесь апробировались, внедрялись на практике принципы политики по отношению к кочевому и оседлому населению, мусульманам, язычникам, крещеным нерусским народам. Используя сравнение, предложенное Р. Джераси, можно сказать, что для России этот регион представлял собой «окно на Восток», служа главным посредником в сложных отношениях империи с Азией, – в той же мере, в какой Санкт-Петербург и Прибалтика служили окном в Европу²¹.

Религиозная политика империи в регионе прошла множество стадий: от попыток форсированной христианизации местного населения к политике прагматичного сотрудничества с неправославными традиционными элитами местного населения. В XIX в. монопольное право православной церкви на миссионерскую деятельность и суровые запреты на «сворачивание» из православия сочетались с проявлениями политики веротерпимости, основы которой были заложены Екатериной II. Эту политику нельзя было не признать успешной: несмотря на этноконфессиональное разнообразие и бурное историческое прошлое, к середине XIX в. данный регион не был зоной развития сепаратистских движений и не требовал «успокоения».

Во второй половине XIX в. империя столкнулась с новыми «вызовами», один из которых исходил со стороны панисламских и пантюр-

кистских движений. Активные миссионерские усилия татарского мусульманского духовенства по обращению в ислам чувашей, а также по возвращению в ислам крещеных татар (татар-кряшен) наглядно показывали российскому правительству, что ислам становится серьезным соперником православия в борьбе за культурное доминирование в регионе. В данном регионе империя опасалась не столько национальных движений – как на западе страны, – сколько иных возможных сценариев: исламизации местного населения; его ассимиляции татарами; реализации джадидистского проекта «тюрко-мусульманской нации»; наконец, влияния Османской империи как альтернативного центра притяжения мусульман и тюркских народов.

Сложная ситуация соперничества нескольких ассимилирующих проектов привела к тому, что в Поволжско-Приуральском регионе имперская администрация оказалась готовой – до известного предела – поощрять развитие местных языков и национальной интеллигенции. На решение этой задачи была направлена система начального народного образования и религиозного просвещения, разработанная специально для коренных народов Поволжья профессором Казанской духовной академии и Казанского университета Н.И. Ильминским. Основным пунктом «системы Ильминского» было преподавание в начальных народных училищах – в том числе и преподавание православного Закона Божьего, – на родных языках коренных народов Поволжья; это был проект аккультурации (приобщения к православию) коренного населения без его ассимиляции. Внедрение данной системы способствовало снижению привлекательности ислама для мордвы и чувашей и быстрой христианизации этих народов и в то же время – порой вопреки намерениям ее создателей – объективно привело к формированию молодой национальной интеллигенции и сыграло важную роль в создании и развитии национальной идентичности у многих народов Поволжья²².

Как можно заключить, в течение изучаемого периода – с середины XVI до начала XX в. – регион Среднего Поволжья и Заволжья постепенно становился неотъемлемой частью России, сохраняя определенные хозяйственные, этнические, конфессиональные и культурные особенности. Основным механизмом такой интеграции стало широкое переселенческое движение оседлых жителей разных национальностей на новые земли, начавшееся в середине XVII в. и продолжавшееся вплоть до начала XX в. Этот процесс массовой колонизации, замечательный по своей исторической протяженности, можно считать важнейшей особенностью региона. Интенсивные миграционные потоки, складывание системы устойчивого расселения, взаимодей-

стве и взаимовлияние различных народов, государственная политика способствовали возникновению на территории Среднего Поволжья и Заволжья к рубежу XIX-XX вв. особой историко-культурной области. Южное Средневожье превращалось из территории фронта в «внутреннюю окраину» Российской империи, где многоликое население региона обрело свою новую родину и где, наряду с этнической и конфессиональной, шло формирование региональной идентичности.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Кабытов П.С., Дубман Э.Л. Среднее Поволжье и проблемы национальных отношений // Регионоведение. 1993. №2. С.82-87.
- ² «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI – начало XX в.). Часть 1. Очерки истории: монография / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013; «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI - начало XX в.). Ч.2. Заселение региона и этнодемографическая ситуация: монография / Под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2014.
- ³ Любичанковский С.В. «Внутренняя периферия» Российской империи: Средне-Волжский вариант // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2013. Т.4. История. №2. С.165-169; Карнишин В.Ю. Региональная история: к изданию фундаментальной монографии самарских историков // Наука. Общество. Государство. 2013. №4 (4). С.5-12.
- ⁴ Кабытов П.С. Региональные аспекты формирования российской нации. Некоторые проблемы историографии // Вестник Самарского университета. 2015. № 11 (133). С.144-153; Кабытов П.С., Дубман Э.Л., Леонтьева О.Б. Средняя Волга и Заволжье в процессе формирования Российской государственности: современная концепция // Quaestio Rossica. 2015. №2. С.117-131.
- ⁵ Дубман Э.Л. Юго-восток Европейской России. Ч.1. Поволжский фронт в середине XVI-XVII вв. Очерки истории. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012.
- ⁶ Дубман Э.Л. Хозяйственное освоение Среднего Поволжья в XVII веке. По материалам церковно-монастырских владений. Куйбышев: КГУ, 1991. С.12-32.
- ⁷ Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. 2-е изд., испр. и доп. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2005.
- ⁸ Смирнов Ю.Н. Оренбургская экспедиция (комиссия) и присоединение Заволжья к России в 30-40-е гг. XVIII века. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1997.
- ⁹ Средняя Волга и Заволжье в процессе развития российской цивилизации и государственности (вторая половина XVI – начало XX в.) / под ред. П.С. Кабытова, Э.Л. Дубмана, О.Б. Леонтьевой. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. С.87-102.
- ¹⁰ См.: Джунджузов С.В. Калмыки в Среднем Поволжье и на Южном Урале: имперские механизмы аккумуляции и проблема сохранения этнической идентичности (середина 30-х годов XVIII - первая четверть XX века). Оренбург: Издат. центр ОГАУ, 2014.
- ¹¹ Смирнов Ю.Н. Народ и власть в освоении Российского Заволжья (XVIII - середина XIX вв.): автореф. дис. ... докт. истор. наук. М., 1999.
- ¹² Артамонова Л.М. Население Самарского Заволжья, его этнический и конфессиональный состав в первой половине XIX в. // «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI - начало XX в.). Ч.2. С.102-103.
- ¹³ Там же. С.103.
- ¹⁴ Смирнов Ю.Н. Заволжье во второй трети XVIII - первой половине XIX вв.: от пограничья до «внутренней губернии» Российской империи // Поволжье – «внутренняя окраина» России: государство и общество в освоении новых территорий (конец XVI – начало XX вв.) / Под ред. Э.Л. Дубмана, П.С. Кабытова. Самара: Самарск. отд-ние Литфонда, 2007. С.118-174.
- ¹⁵ Кабытов П.С., Тагирова Н.Ф. Социально-экономическое развитие Поволжья и Приуралья во второй половине XIX - начале XX вв. // Поволжье – «внутренняя окраина» России. С.240-248; Кабытов П.С., Кабытова Н.Н., Кобозева З.М. Особенности демографического развития и социальный состав населения Поволжья во второй половине XIX - начале XX в. // «Обретение родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI - начало XX в.). Ч.2. С.142-149, 151-152.
- ¹⁶ Тюрин В.А. Структура, численность, социальный состав городского населения Среднего Поволжья во второй половине XIX - начале XX в. // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. №8/2 (109). С.94. См. также: Кобозева З.М. Мещанское сословие г. Самары в пространстве власти и повседневности (вторая половина XIX - начало XX в.), или Рассказ о душе с повинностями. Самара: Самарский университет, 2013.
- ¹⁷ См.: Смыков Ю.И., Гончаренко Л.Н. Национальный состав населения Поволжья в конце XIX века // Национальный вопрос в Татарии дооктябрьского периода: Сборник ИЯЛИ. Казань: Полиграфич. объединение им. К. Якуба, 1990. С.97-106.
- ¹⁸ Леонтьева О.Б. Национальный состав населения Самарской губернии во второй половине XIX в. по данным статистических источников // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. 2013. №8/2 (109). С.83.
- ¹⁹ Савельев П.И. Пути аграрного капитализма в России. XIX век (по материалам Поволжья). Самара: Изд-во «Самарский университет», 1994. С.117-119.
- ²⁰ Ведерникова Т.И. Этнокультурные процессы в среде полиэтничного населения Самарского Заволжья во второй половине XIX - начале XX в. // «Обретение

родины»: общество и власть в Среднем Поволжье (вторая половина XVI - начало XX в.). Ч.2. С.190-219.

²¹ Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / Авторизов. пер. с англ. В. Гончарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

²² Леонтьева О.Б. Национальная и конфессиональная политика Российской империи в современной историографии // Вестник Самарского государственного университета. Гуманитарная серия. История. 2012. №8/2 (99). С.27-46.

**THE RESULTS OF THE STUDY OF THE ETHNIC
AND DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE SOUTH-EAST OF EUROPEAN RUSSIA
(THE LATE 16TH – THE EARLY 20TH CENTURY)**

© 2017 P.S. Kabytov^{1,2}, E.L. Dubman¹, O.B. Leontieva^{1,2}

¹ Samara National Research University named after academician Sergey Korolev;

² Volga Branch of Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Samara

The authors summarize the results of the study of the ethnic and demographic processes which took place in the forest-steppe and steppe zone of the Middle Volga and Trans-Volga regions, i.e., in the core of the South-East of European Russia. They reveal the peculiarities of formation of the multi-ethnic and multi-confessional population, characterize the specifics of interactions between different ethnic groups, and also between local population and the royal administration.

Keywords: Russian state, South-East of European Russia, Middle Volga and Trans-Volga, frontier, ethnic and demographic situation, historic and cultural area.

Petr Kabytov, Doctor of History, Professor, Head of Department of Russian History, Institute of Humanities and Social Sciences, Samara National Research University named after academician Sergey Korolev, Leading Research Fellow, Volga branch of the Institute of Russian History, RAS.

E-mail: kabpetr@ssusamara.ru

Edward Dubman, Doctor of History, Professor, Department of Russian History, Institute of Humanities and Social Sciences, Samara National Research University named after academician Sergey Korolev. E-mail: dubmane@mail.ru

Olga Leontieva, Doctor of History, Leading Research Fellow, Volga branch of the Institute of Russian History, RAS; Professor at the Department of Russian History, Institute of Humanities and Social Sciences, Samara National Research University named after academician Sergey Korolev.

E-mail: oleontieva@yandex.ru